

УДК 111

Сергей Захарович Гончаров
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Российского государственного
профессионально-педагогического
университета (РГППУ)
г. Екатеринбург
(343) 327-48-57 gs2004@mail.ru

Наталья Викторовна Попова
аспирантка кафедры философии РГППУ,
начальник отдела социологии труда
Синарского трубного завода
г. Каменск-Уральский

КРЕАТИВНОСТЬ ПРИНЦИПА СУБЪЕКТНОСТИ В ФИЛОСОФИИ

Авторы рассматривают субъектность как форму социальной активности, которая характеризует способность личностей и коллективов к самоопределению, самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству, а также их полномочия в реализации общественно-значимых потребностей и целей и их власть над природными и социальными силами.

Субъект, субъектность, самоопределение, самодеятельность, самоорганизация, самоуправление, творчество, нормотворчество, соревнование, гражданское общество.

Форма субъектности принципиально важна в теоретическом, ценностном и практическом освоении мира человеком, равно как и для теорий познания, права, политологии, менеджмента, экономики, этики, эстетики, культурологии и психологии. Значимость этой формы намного превышает уровень ее теоретической разработки в креативно-антропологическом и социокультурном аспектах.

Традиционное определение субъекта как «носителя сознательной целенаправленной деятельности», вошедшее в словари и энциклопедии, отождествляет субъектность с *социальной дееспособностью* и является крайне общим, чтобы стать операционально-выполнимым инструментарием в исследовании социальных процессов. Раб тоже был «носителем» такой деятельности. Но цели ему задавал господин. Из-за общего определения субъектность часто смешивают с субъективностью – «способностью познавать и преобразовывать внешний мир». Но сама по себе внешнепредметная активность мало чего стоит, так как она может направляться манипуляторами.

Подобные определения кажутся бесспорными потому, что они стали привычными. На самом деле они настолько абстрактные, что

ничего не дают для *типологии лиц и коллективов*. Такие определения стирают существенные различия между личностью, способной к самоопределению и нормотворчеству, самостоятельному выбору новых вариантов действия и общения, и индивидом, который вообще не догадывается о таких качествах и живет репродуктивно, по извне навязанным стереотипам. Необходимость конкретизации категории субъекта признают современные авторы. Термин «субъект», как отмечает Е.В. Сайко, стал одним из наиболее употребительных, и каждый раз значение этого термина не раскрывается в «особой субъектной специфике» [15, с. 5]. То же отмечает В.М. Розин: «под субъектом понимают все что угодно» [15, с. 30].

Субъектность присуща не только личности, но и социальным группам, и институтам. Ставка на развитие *гражданского общества* предполагает в социокультурном аспекте именно *субъектные качества лиц и коллективов*. Люди объединяются ради общего дела двояко – в форме *учреждения или корпорации*. В первом случае объединение учреждается «сверху вниз» – государством. Корпорация же образуется «снизу вверх» по свободной воле людей и состоит из активных полномочных и равноправных деятелей. Под гражданским обществом мы понимаем, вслед за А.С. Панариным, «совокупность неполитических отношений (экономических, духовно-нравственных, религиозных, культурных) граждан и их ассоциаций, основанную на принципах самостоятельности, неподопечности и автономии по отношению к государству» [16, с. 304]. Государство есть *учреждение*, причем *политическое*. Гражданское общество есть совокупность *корпораций*, то есть неполитических объединений, которые сами себя конституируют «снизу», ставят и решают задачи. В таком самовоспроизводстве важнейшими являются субъектные качества. Принцип учреждения, проведенный как самоцель, гасит инициативу и самостоятельность лиц, а один корпоративизм ведет к анархии и потере управляемости общим делом.

Гражданское общество предполагает не только *нормативные правовые акты*, позволяющие развернуть субъектные качества граждан, но и наличие у граждан *субъектных качеств, их способности к самостоятельности, самоопределению, самоорганизации и самоуправлению*. Необходимы лично развивающие инвестиции, в первую очередь в человека, в *креативно-антропогенную сферу* – образование, культуру, социальную инфраструктуру. Вещный капитал необходимо подчинить человеческому капиталу. Как опредмеченный труд произведен от труда живого, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала.

Креативность субъектного принципа в истории философии. В истории философии представлены *объектный и субъектный* принципы истолкования реальности. В первом случае философы исходят из *внешнего* первоначала, с которым они согласовывают научное, ценностное и практическое освоение действительности.

Человек при этом вращается вокруг той или иной внешней Инстанции, будь то Космос, Природа, Общество и др. Во втором случае исходным является человеческая субъектность как *основание* для истолкования внешней реальности.

До Сократа древние греки, образно выражаясь, молились на звезды (космоцентризм «физиков»). Сократ предложил исходить из достоверности человеческого разума. Начался период *античной классической философии*, ее расцвет. М. Лютер утвердил принцип Сократа в католицизме и породил целое направление в христианстве (протестантизм). От церковного внешнего авторитета он решительно перешел к авторитету личной веры и так вознес субъектность человека, что она стала в центре последующей философии. А. Смит в отличие от физиократов источник стоимости товаров видит уже не в земле, а в *труде*. Начинается период *классической политической экономики*. Ф. Энгельс с полным основанием назвал А. Смита «Лютером» политэкономии [17, с. 549]. И. Кант с присущей ему основательностью развивает субъектный принцип в своих знаменитых «Критиках», сознательно исходя из свободной самостоятельности субъекта. Начинается период *классической немецкой философии*. «Коперниканский переворот» Канта героически продолжает И.Г. Фихте в своем «Наукоучении». Гегель универсализирует субъектный принцип как методологический: «Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное, не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» [2, с. 1].

К. Маркс *субъектный принцип* проводит последовательно в философии, политэкономии и политологии. Главный недостаток предшествующего материализма он видит в том, что «предмет, действительность чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*», не субъектно [10, с. 3]. «Единственно интересными» в гегелевской диалектике он считал противоположность между «*в – себе и для – себя*, между *сознанием и самосознанием*, между *объектом и субъектом*». Эта противоположность составляет «смысл» всех других противоположностей [13, с. 157]. Эвристическую мощь этой противоположности Маркс раскрывает уже в своей диссертации, излагая принципиальное различие между *объектной философией* Демокрита и *субъектной философией* Эпикура. Категория «бытие-для-себя» выступает у Маркса *логическим фундаментом* в понимании субъектности, под которой он понимал рефлексированную социальность, устремленную на саму себя. Показательны такие его выражения как «самоустремленность», «самоизменение», «самостояновление», «самоосуществление» (и др. «само») человека. Утверждение об изменении людей внешними обстоятельствами Маркс преобразует в положение о «самоизменении» людей путем практического изменения обстоятельств, в котором человек выступает одновременно и субъектом, и объектом собственного действия;

и воспитателем, и воспитуемым; и законодателем, и исполнителем собственных принципов. Неспособность к духовному самоопределению и волевому самоуправлению К. Маркс считал крайней деградацией, поражающей человека в самой его «творческой основе». «Марксова философия практически завершила коперниканский кантовский переворот» [7, с. 9] и предстала «как философия человеческой практики» [7, с. 7]. Диалектика Маркса *производна от субъектного принципа его философии*.

Всякий раз, когда философия развивалась на основе субъектного принципа, она цвела и наполнялась жизненно конкретным и глубоким содержанием. То же можно сказать об этике, эстетике и психологии. Объектный принцип, «безлюдная онтология» парализуют интеллектуальную динамику, духовное дерзновение и смелость мысли. За такой позицией скрывается *пассивный субстанциализм* мысли, «отражающей» застывшие в пространстве деятельность, правопорядок, социальные институты.

В советской философии возобладал объектный принцип в истолковании общества. Работы Г.С. Батищева, Э.В. Ильенкова, К.Н. Любутина, М.К. Мамардашвили, Д.В. Пивоварова и др. были направлены на преодоление этого принципа в понимании социальной реальности.

Логика понимания субъектности. Верному пониманию субъектности мешает механистическая логика «*определения извне*»: одно определяется другим, а другое – иным другим и так до бесконечности, которую Гегель назвал «дурной». Регресс в бесконечность возникает потому, что за *внешним* отношением к другому мысль упускает *внутреннее* отношение – *отношение целого к самому себе*. Такая логика не позволяет понять *саморазвитие целого на собственной основе*, когда целое само полагает вонне предпосылки своего сохранения и роста и поэтому является самообоснованным. Саморазвитие целого диктует такой логике невыполнимое для нее условие – понять действие на другое как момент самодействия, определение извне – как момент самоопределения; словом, «за отношением к другому видеть скрытое за ним отношение к самому себе, внутреннее отношение вещи» [4, с. 243]. Мышление, оснащенное только логикой «определения извне» старательно избегает анализировать *самонаправленные* процессы – самоопределение, самодеятельность, самореализацию и т.п. Личность при этом мыслится как теннисный шарик, траекторию движения которого определяют внешние обстоятельства – педагогическое начальство, методы воспитания, среда и т. д.

Разумеется, принцип объяснения через «другое» необходим, но недостаточен, например в понимании субстанции, или когда мысль наталкивается на совпадение противоположностей, на явное противоречие, в рамках которого объект действия и субъект действия совпадают. И такое совпадение встречается в практике человека на каждом шагу, оно зафиксировано уже на уровне языка в ви-

де *возвратных* местоимений и глаголов («сам себя», «я радуюсь» и др.). В таких языковых выражениях проявляется устойчивая логическая категория – отношение целого к самому себе. Это отношение является *диалектикообразующим* и самым главным.

Осознанию этого отношения препятствуют *гносеологические* и *социальные* причины. Гносеологической причиной является то, что мысль не выходит за рамки *наличного бытия* (где одно ограничено другим) в сферу сущности, в то *единое основание*, в пределах которого отношения между частями реализуют отношение целого к самому себе. То, что в сфере сущности есть самоопределение, воздействие на себя, в мире явлений обнаруживается как действие на другое, как определение извне. Например, в процессе обращения капитала (мир явлений) *один* отдельный капитал действует на *другой*, и каждый из них воспринимает это внешнее действие (конкуренцию) как *определение извне*, как *внешнюю необходимость*, принудительно ограничивающую свободу их функционирования. Такова видимость с позиций отдельных различных капиталов. Однако отдельные капиталы есть органы совокупного капитала как *целого*. И за отношением одного капитала к другому скрывается отношение капитала как целого к *самому себе*. Через взаимное действие отдельных капиталов проявляется воздействие капитала на самого себя его «самоопределение». В действительности, замечает К. Маркс, – «конкуренция представляет собой отношение капитала к самому себе как к другому капиталу» [12, с. 154], «самоопределение» капитала как целого [11, с. 391], Конкуренция приводит в исполнение «внутренние законы капитала» в форме внешней необходимости для отдельных капиталов [12, с. 265]. Точно так же Петр, относясь к Павлу как к человеку, актуализирует свою собственную человеческую природу и отличает в себе социальное от природного. Таким образом отношение Петра к Павлу есть в сущности отношение социальности к себе самой. И такое самоотношение социальности ощутимым образом проявляется в борьбе людей за общественное признание, в соревновании, например в спорте. *Отношение целого к самому себе есть сущность диалектического отношения*, которое Гегель зафиксировал в виде понятия «бытие-для-себя» в отличие от понятия «бытие-для-другого».

В социальном плане логика «определения извне» выражает те ситуации, в которых люди низведены до *частичек социальной машины*, до *объектов манипулирования*, до *исполнителей извне навязанных стандартов мышления, поведения, потребления*, до «точки действия для другого» (В.С. Библер) со стороны общественных сил. Такие ситуации и порождают, по словам В.Е. Кемерова, выражения «рычаги управления», «хозяйственный механизм» и прочую механику. Подобная односторонняя социальная детерминация формирует привычку жить по извне полученным правилам и нормам, впечатывает в сознание логику «определения извне», и такая логика пре-

вращается в «достоверный» навык мышления, который возводится во всеобщую схему миропонимания. Эту схему, за которой скрываются антигуманные обстоятельства, позитивистский рассудок объявляет единственно научной, а логику самоопределения (диалектику) толкует как «темную гегельянщину». Именно отделение деятельности от самодеятельности, изменения объекта от «самоизменения» субъекта, функций исполнительских от нормотворческих порождает отчужденную практику, ту социальную ситуацию, в которой индивиды производят собственное бытие как чуждое себе «инобытие», как бытие иного против самих себя.

С логикой определения извне боролись классики философии. «Самопричинность» (*causa sui*) субстанции у Спинозы, «самодеятельность» монад у Лейбница, «самоопределение» и «самополагание» «Я» у Канта и Фихте, «для-себя-бытие» у Гегеля, «самоизменение» субъекта у Маркса – эти родственные идеи выражали логику, позволяющую верно понять *самонаправленную социальность*. Ограниченный потенциал логики «действия на другое» побуждает и теоретиков естествознания переосмысливать казавшуюся ранее очевидной саму логическую основу общего воззрения на предмет. В естествознании, математике, пишет В.С. Библер, поставлена под вопрос «*всеобщность* классического предмета (и субъекта) – «точки действия на другое». В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания. Это – «идея предмета как «*causa sui*», «идея движения как самодействия, самодеятельности» [1, с. 191]. Почему же возникает именно такая идея? Потому, что за методологией научного мышления всегда скрывается тот или иной тип социальности. Стиль научного мышления Нового времени вырос из фабрично-заводских практик, из жестких детерминаций производства вещей. В современных условиях акцент смещается на культурное воспроизводство людей, порождая иные аналогии для мышления: с возрастанием в обществе доли личных свобод и самодеятельности изменяется методология науки – предмет мыслится в аспекте самодействия, свободного развертывания потенциалов и сил, по *подобию человеческой самодеятельности*.

Сущность субъектности и субъектных качеств. Субъективность означает многообразный состав сознания и подсознания, контролируемую сознанием человеческую активность. Субъектность есть *высший уровень субъективности*. На этом уровне социальность представлена как рефлексированная в себя, то есть обращенная на себя, самонаправленная, самоустремленная, как знающая саму себя, как «для-себя-бытие», как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая.

Субъектность есть такая *форма социальная активности*, которая характеризует личности и коллективы:

- со стороны их способности к самоопределению и самодеятельности, самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству;
- со стороны реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей;
- в аспекте реальной власти над стихийными природными, психическими и социальными силами.

Такое понимание субъектности дает определенные ориентиры для теории образования, психологии, права, социологии, политологии: какие качества личности следует воспитывать, как распределены полномочия между людьми, каковы креативные основы управления и т.д.

Генетически исходным в структуре субъектности является *самоопределение как всеобщая форма* реализации продуктивно-творческих сил – мышления, воображения, воли, веры и др. Самоопределение становится реальным тогда, когда превращается в самоопределение воли – в способность человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям. Самоопределение – *генетически исходная основа* субъектности, творчества, умения личности развивать свои способности. *Способности есть усвоенные человеком способы деятельности*, которые фиксируются в теле человека нейрофизиологически, и возникает видимость (*фетишизм тела*), что способности возникают *естественно* из органического тела человека так же, как клевер из чернозема, а не из социального тела – совместной деятельности и общения. Человек может не ограничиваться воспроизводством способов деятельности, а предпочтет их развивать. Тогда он становится творцом. Творчество – это нормальный, не деформированный внешними обстоятельствами (разделение труда и др.) процесс моделирования человеком схем своих внешних проявлений в актах самодеятельности. И талант – это норма в развитии личности, не изуродованной разделением труда в «обрывок» человека. Затухание творчества, редкость талантов – это точный показатель расщепления целостной человеческой деятельности на частичные функции в условиях *объектного* строения реальной жизни и мировоззрения, когда субъектные функции монополизируются социальными институтами и атрофируются на уровне личности. В такой ситуации общество предстает ареной взаимодействия различных *анонимных* Инстанций и Факторов – хозяйственного «механизма», «рычагов» управления, цен и прибыли. Люди предстают органами реализации потребностей хозяйственного «механизма» и т.д. Человек низводится в таких условиях «до тени своей собственной тени» (Э.В. Ильенков). Хотя все подобные анонимные Инстанции и Факторы есть органы и объективации деятельности людей. За противоречием между производительными силами и производственными отношениями всегда скрывается противоречие между людьми. В обществе все, что имеет прочную форму – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т.д. – является

лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства» [12. с. 222].

Самоопределение развивается при определенных условиях в конкретное основание субъектности – в способность к *нормотворчеству*, законодательству. Законодательность здесь понимается не юридически, а философски – как умение субъекта порождать новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре. Для репродуктивной (исполнительской) деятельности достаточно умения подводить частный случай под общее правило. Способность к нормотворчеству – это культурный феномен. Он возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, полномочие на суверенное конституирование той или иной нормы, того или иного варианта действия, будь то область предпринимательства, науки, искусства и др. *Самоуполномочивание* – это «душа» и самый важный момент новаторства. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет свой совести и своему разуму как непосредственно-общественным и потому осознает себя интуитивно равноправным началом («начальником») всего нового и интересного. Он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения свыше, у «начальства». Способность к нормотворчеству уходит своими корнями в атмосферу *товарищества* в коллективе и связана так или иначе с чувством или осознанием товарищеского равноправия. Это чувство остается в тени, может быть безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, воодушевление и смелость в решении проблем. Когда субъект смотрит на проблему глазами коллектива, тогда его духовная сфера наполняется емким общественным содержанием, и он мыслит широко, чуток к перспективным тенденциям в общем деле. Атмосфера товарищества одухотворяет – рождает у каждого порыв внести свой вклад в общее дело, утвердить себя в сознании других как личность творческую, «со своей песней». Товарищеское равноправие в общем деле рождает свою *противоположность* – *потребность личности в индивидуализации мастерства, и на этой основе – потребность в общественном признании.*

Субъектность личности как интериоризация законодательных функций социальных институтов. Исторически субъектные качества, как свидетельствует практика, оформлялись на

надъиндивидуальном уровне (община, род) в рамках общих, то есть общественных законодательных и других полномочных органов, функции которых со временем закреплялись за узким кругом лиц. Нормотворческая и законодательная функция, отделившись от функции исполнительной, получает конкретное оформление на *институциональном* уровне (государство, церковь, партии) и развивается настолько, что регламентация и громоздкие аппаратные процедуры становятся для нее *оковами*. По мере демократизации общества и развития личностного начала нормотворчество становится достоянием все большей части народа, его самостоятельных организаций. Субъектность *деинституализируется* в той или иной области и превращается в *схему работы самосознания и воли* растущего большинства. Например, в нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностной субъектностью в виде *самооценки, самоконтроля, самоповеления*. В результате нравственность предстает как неинституциональная императивная саморегуляция поведения, доступная каждому. Напротив, в условиях античности самостоятельный выбор решения, новой нормы ведения общего дела подкреплялся, как правило, обращением за санкцией на такой выбор к оракулу и подкреплялся авторитетом Пифии, повествующей о воле богов. Даже такие великие люди античности как Фемистокл в минуты смертельной опасности для Греции убеждали других в правоте своего выбора, ссылаясь на волю богов. Для самостоятельных решений, как замечает Гегель по этому поводу, у греков «еще не было этой мощи и силы воли» [3, с. 239].

Развитие субъектности – содержание демократии. Подлинным содержанием демократии является передача субъектных функций гражданам и для развития их самостоятельности, и для установления меры в соотношении различных видов субъектности на уровнях корпоративном и государственном, индивидуально-лично-стном и институциональном.

Такое содержание присуще «*демократии участия*» (как это было в Афинах времен Перикла и в средневековых городах с их цехами ремесленников), а не современной формальной (представительной) демократии, отделяющей субъектные функции от «электората». В России народ расплывается все более из общества *соотечественников*, объединенных *духовно и нравственно*, на собрание *социальных атомов («электорат»)*. Деньгодатели с помощью средств массовой информации и «имиджмейкеров» проталкивают своих кандидатов на различные должности методами рекламы так же, как это делается с товарами на рынке. Кандидаты в депутаты стали политическим товаром, а электорат – потребителем такого товара. Демократия вырождается в политический рынок со всеми его фальсификациями.

Негативной крайностью является абсолютизация субъектности или на уровне личности (персоноцентризм), или на уровне социаль-

ных институтов, будь то партия, церковь, государство (социоцентризм). Происходит нарушение социальной синергии, гармонии между мерами частей и целого. В первом случае ставка делается на права человека, на формальную демократию. Набирают силы индивидуализм, атомизация общества, многообразие ценностей без их единства, рассогласованность волеи и внешних дел, индивидуальная свобода без единства лиц. Распадается социальный ранг, субординация и координация социальных институтов. Формальная демократия таит в себе со времен Платона и Аристотеля анархию и тиранию.

Идеология либерализма грешит первой крайностью. Во втором случае ставка делается на иерархическую организацию, на внешнее единство без индивидуальной внутренней свободы. Субъектные функции монополизуются тем или иным социальным институтом, а лица превращаются в исполнителей. Начинается всеохватная (тотальная, отсюда – тоталитаризм) регламентация мышления, поведения, потребления. Она ведет к прогрессирующему параличу инициативы и самостоятельности граждан. Их субъектные функции отмирают. Общество поляризуется на «субъекты» и «объекты», на «ведущих» и «ведомых», на «авангард» и «массы». Но на пассивной массе далеко не уедешь. Авангард прибегает к традиционному приему: он взбадривает «массу» показательным энтузиазмом – бравурными маршами, песнями, уверениями-заклинаниями о «самостоятельности масс», свободной и радостной жизни. И чем дольше длится показательный энтузиазм, тем больше он разоблачает свою фальшь. Так общество движется к неизбежному кризису.

Во всем этом характерно следующее. Граждане *сами* отчуждают от себя свои субъектные функции (право на самоопределение и выбор, на самостоятельность и нормотворчество) и передают их внешнему Гаранту, Инстанции, превращая ее в самодовлеющего Субъекта, а себя – в предикат, в нечто определяемое извне. Так как право на самоопределение незаметно сосредоточивается в одной Инстанции, то возникает *гипноз ее Авторитета, ее Культ*. Она наделяется некоей сверхъестественной способностью быть всегда Мудрой и Справедливой. Дело теперь представляется так, что Инстанция права не потому, что она решила истинно, а потому, что она – Инстанция, а значит права! В обеих крайностях деформируется социальная синергия. Соборность, идущая от православного христианства, преодолевает эти односторонние крайности. Она согласует индивидуальную свободу и единство лиц, меру целого с мерами частей и обеспечивает такой согласованностью здоровое состояние психики человека, гражданского общества и государства.

Самостоятельность как общая основа развития субъектности. Творческие способности проявляются в умении разрешать реальные противоречия и обновлять схемы мышления и поведения, деятельности и общения. За таким умением скрываются определен-

ные социальные обстоятельства, одним из которых является самодеятельность. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть свободная деятельность, изменяющая *сами* схемы деятельности; развивает самоопределение лиц и коллективов, необходимое для творческого акта; переводит самоопределение в объективно выраженный процесс; содействует общению, просторному для самореализации человека как субъекта.

Деятельность направлена на изменение внешнего предмета и может быть несвободной, вынужденной *внешними мотивами*. В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих *способов деятельности*, то есть противоречие между деятельностью, опредмеченной в пространстве, и деятельностью, протекающей во времени. Изменять схемы собственной деятельности человек может при условии, если он выносит их во внешний план, ставит их перед собой, опредмечивает. Поскольку предметом самодеятельности являются способы человеческой деятельности, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности*. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, к *человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете» [13, с. 121]. Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т.д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*» [13, с. 160]. Будучи самонаправленной социальностью, субъект функционально различается в актах самодеятельности на субъект действия и на продукт действия; он противопоставляет себя (как *формируемый материал*) самому себе как *формирующей деятельности*; одновременно он объемлет эти противоположности – процесс и результат. Соединяя в себе данные противоположности в единство, он создает противоречие между деятельностью ставшей и становящейся, культурой наличной и возникающей, между «я» прошлым и «я» настоящим. В акте противопоставления отношение к другому (опредмеченной деятельности) подчинено отношению субъекта к самому себе. Данное отношение выражает самоустремленность субъекта в противопоставлении, оно соединяет противоположные моменты в единстве.

В самодеятельности субъект устремлен на обновление и развитие творческих сил путем *выхождения за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выходжение осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным.

Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самодеятельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта» в созидании *общественно-интересной новизны*.

В самодеятельности происходит *практическое закрепление способности личности к самоопределению*. Эта способность – необходимая предпосылка творческого освоения мира человеком, как научно-теоретического, так и ценностного.

Мышление есть творческое моделирование внутренних отношений, которые восприятию не даны. Мыслить – значит соединять явления их внутренней связью. Связь между явлениями восприятию не дана, она устанавливается «только самим субъектом» в «актах его самодеятельности» [6, с. 165]. В морали важно самоопределение и самоповеление, мораль основана на «автономии человеческого духа» [8, с. 13]; иначе ответственность потеряла бы всякое основание. Самоопределение – атрибут и политической воли. Политика начинается с сознательного самоопределения в идеологии больших социальных групп; ее особенность состоит в том, что такие группы стремятся возвести свою особенную волю во всеобщую – в закон для всех. Класс, не способный к идейному самоопределению и властному самоутверждению своей воли, есть объект, а не субъект исторического процесса.

Свободное самоопределение составляет глубинную сущность эстетического освоения реальности. Если предмет воспринимается как сформировавшийся свободно, согласно своей мере, то он представляется прекрасным. Мысль К. Маркса о том, что человек производит по меркам любого вида, а значит, «и по законам красоты» [13, с. 94], цитируется весьма часто, при этом не раскрывается связь между *мерой и красотой*. Связующим здесь является *свобода, свободное самоопределение*. Формироваться согласно своей мере – значит определяться не извне, а изнутри, то есть *самоопределяться*. Но не все прекрасно, что сформировано согласно своей мере. *Предмет воспринимается прекрасным только тогда, когда он пробуждает в нас состояние свободы, свободной игры наших духовных сил, провоцирует на такое субъективное состояние. Прекрасное есть чувственное изображение нашей свободы, ее сублимация и метафора*. Чувство красоты, отмечал Э.В. Ильенков, сопровождает «свободу воображения», когда, воображение рождает идеальную форму предмета, согласно его чистой мере [5, с. 250-251]. Происходит *совпадение свободного самоопределения предмета и субъекта*. Насла-

ждение прекрасным возвышает потому, что оно состоит в *переживании свободы нашей души*; при этом свобода выражена в *образном виде, как нечто внешнее*, будь то музыкальная композиция, стих или балет. В форме красоты «переживается совпадение формы вещи с формой развитого восприятия, своеобразное чувство удовлетворения от подобного совпадения» [5, с. 225]. Формой «развитого восприятия» и является свободное самоопределение субъекта, который в реальности схватывает подобный феномен.

Итак, *свободное самоопределение развивается в актах самодеятельности, освобождается от эмпирического содержания, превращается в устойчивую схему восприятия волеия и мышления и становится индикатором красоты, прекрасного – эстетическим вкусом*. Бескорыстное свободное самоопределение есть *общая основа нравственности и художества, добра и красоты*. Так как самоопределение наиболее доступно дано каждому в нравственности, то, возможно, эстетическое наиболее интенсивно раскрыто в борении человеческого духа, в нравственности. Нравственная красота – высшая форма красоты. Возвышенное тоже наиболее впечатляюще выражено величием характеров и дел героев. Безмерность природы, будь то звездное небо или океан, поражают воображение лишь на короткое время, тогда как великие деяния героев волнуют сердца и умы на протяжении столетий. Не случайно И. Кант сопрягал звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. И, наоборот, предмет воспринимается безобразным, если он воспринимается не как определенный согласно своей природе и мере, а как принявший чуждую себе форму, навязанную извне, вопреки своей мере. Такая деформация предмета извне передается субъекту восприятия и скрывает свободную игру наших духовных сил. Без развитой духовной свободы и свободного самоопределения невозможны ни нравственность, ни высокое искусство, ни творчество прекрасных форм.

Диалектика соревнования в развитии субъектности. При-
сущее самодеятельности выхождение за пределы исходного пункта выражается в отношениях между субъектами – в *со-ревновании*. Абсолютной и имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенций лиц и коллективов*. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность» [9, с. 337].

Важно понять *креативно-антропологическую и общесоциологическую* природу соревнования, столь значимую в *управлении* и в повышении *творческого потенциала* персонала. Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. *Без признания статуса личности в общественном сознании нет и*

статуса. Быть социальным – значит быть признанным! Здесь и возникает сущностное *противоречие*: все стремятся быть признанными достойным образом. Отсюда возникает состязание. Имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к *интенсивной самореализации*, является соревнование по поводу *развития творческих потенций лиц и коллективов*. Соревнование – неистребимый момент общения потому, что люди – существа общественные. И мерой для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически сравнивают себя в *общем деле* по своим способностям и умениям, по их объективациям. Предметом и мерой оценки здесь выступают *человеческие* качества. Это – *имманентная, внутренняя для человека мера*, в отличие от *внешней*, например стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму *конкуренции*. Соревнование есть стремление к *первенству* в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как *борьба за общественное признание своей социальной значимости*.

Соревнование противоречиво. В нем каждый идеально полагает себя *равным* с другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него в виду заранее известной «победы» или поражения. Пафос борьбы возникает лишь в состязании *с равным, себе достойным*. Но в то же время и в том же отношении каждый *практически* полагает себя *неравным* с другим, что выражается в стремлении *опередить себе равного*. *Опережая себе равного, субъект таким образом опережает самого себя*, вступает в состязание с собой; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности. Так противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим собой, импульсируя к саморазвитию. Сила характера проявляется в способности выдерживать такие *созидательные противоречия* и творчески их разрешать. Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы не травмировать достоинство личности, но оно достаточно остро по накалу, чтобы побудить каждого к интенсивной самореализации способностей и умений. Соревнование пронизывает все виды общения – профессиональные и непрофессиональные, экономические и политические. Наиболее прозрачно логика соревнования представлена в спорте. Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование. Но к нему их побуждают потребители услуг. Вузы стремятся быть конкурентоспособными. Отношения между субъектами хозяйствования и политическими партиями также пронизано соревнованием.

Самодетельность и соревнование как проявления тенденции самообновления субъектов. Мы раскрыли имманентную противоречивость самодетельности и соревнования, их созидатель-

ность и креативность. Такая противоречивость есть *самая глубинная основа вечной тенденции самообновления социальности во всей истории*. Самодеятельность и соревнование суть *самоотношение и самоизмерение* социальности. Когда мы вес яблок измеряем весом железной гири, то силы тяжести соотносят и самоизмеряют самих себя посредством нашей головы. То же происходит в актах соревнования: социальность соотносит себя с собой путем сравнения умений различных лиц и коллективов. Это – вечная игра социальных сил людей. Самоотношение человеческой социальности ясно выражено в мировом масштабе в форме практического сравнения интеллектуального и духовного, культурного и профессионального потенциалов различных народов. Не менее остро такое самоизмерение раскрыто в сферах науки и искусства.

Соревнование есть такое *противоречие*, которое, как и всякое реальное противоречие, *не разрешается окончательно, а принимает все новые и новые формы*. Изменяются лишь *временные формы согласования противоположностей, само же противоречие имманентно и неистребимо*, коль речь идет о субъектах, обладающих самосознанием и волей. Задача для каждого из них как раз и состоит в том, чтобы не плакать, не впадать в истерику, а уметь понимать и разрешать противоречия мыслью и делом. Мышление тогда творческое, когда оно умеет разрешать противоречие, вынося его на более высокий уровень. Объективные и субъективные основы обновления приводят к пониманию глубинного антропологического закона – *закона самообновления людей*.

Универсальная сущность человека сфокусирована в «трансцендентировании» субъектов, в их стремлении выйти за пределы достигнутого к *новым* формам и смыслам жизни. Люди как субъекты стремятся осуществить, выполнить себя. Они изменяют обстоятельства в таком направлении, чтобы установился *достойный в их понимании образ жизни*. Однако с его установлением исчезает его идеализированный, романтический ореол. Бывший в воображении идеальный строй облекается в *эмпирическую материю*, претерпевает от нее некие деформации и превращается со временем в *обыденную повседневность*, которая становится *скучной*. Новые формы жизни окаменевают, повышается удельный вес *репродуктивного* стиля мышления и поведения. В лоне традиции вызревает *модернизация*, импульсы к *обновлению деятельности, общения и мышления*. Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся *оковами для самодеятельности и самообновления людей*.

Существует *общесоциологическая реальная тенденция*, которую можно с полным основанием назвать *законом самообновления людей* – их чувственно-эмоциональной, душевной, духовной, социокультурной областей. Этот закон имеет *биопсихические* и *социокультурные* основы, он не сформулирован в теории, но он пролагает

себе дорогу на практике в форме *качественных перемен*, возникающих «вдруг». Царская Россия цвела и богатела в 1913 г. Но уже в 1917 г. монархия рухнула. Советский Союз был могуч в военном, хозяйственном, политическом отношениях. Но в 1991 г. его «вдруг» не стало. За спиной революций и крутых перемен скрывается общесоциологический по охвату, *социокультурный по содержанию закон самообновления*. Повод всегда найдется. Идеального общества достичь невозможно в силу отмеченного противоречия: *то, что было достижением как единичное первенство, становится со временем доступным для большинства, и соревнование начинается по новому кругу, точнее, по спирали*. И данному процессу *нет конца*. К. Маркс по этому поводу пишет: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, созданной универсальным обменом? ... Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, то есть развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [11, с. 476]. В этих потрясающих по смыслу суждениях выражена креативно-антропологическая основа диалектики и инновационного стиля жизни.

«Абсолютное движения становления» осуществляется как *обновление* людей путем обновления форм деятельности, общения и мышления и выражается адекватно в *диалектическом* мышлении. Общество, где *саморазвитие людей осуществляется как беспрепятственное выхождение за пределы для этого саморазвития, и где единственной предпосылкой самого общества является выход за пределы «исходного пункта»*, такое общество, подчеркивал Маркс, порождает понимание человеком «его собственной истории как *процесса*», так как «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида» [12, с. 35].

Такое *процессуальное* понимание и выражает философская диалектика. С позиций диалектики, заметил вслед за Г. Гегелем молодой Ф. Энгельс, абсолютным является процесс, а не временный результат последнего. Диалектика, утверждает К. Маркс, – «в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [9, с. 22]. Со-

циальным основанием философской диалектики является самодеятельность ассоциированных людей как субъектов собственного жизненного процесса, преодолевших отчуждение от своих собственных объективаций в экономике, политике и т.д. и вобравших в себя коллективно развитые силы. Маркс понимал самодеятельность как *фундаментальный культурно-антропологический атрибут*, как тот способ развертывания продуктивно-творческих сил, с которым связывал *перспективу человеческого развития*. Он предсказывал историческую ступень, когда «самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности» [14, с. 68]. Устарел не научный подвиг Маркса, а его толкователи.

Диалектика *адекватна инновационному* стилю жизни творцов-созидателей. Диалектический стиль мышления возьмет реванш, воскреснут традиции сократовских диалогов, и Гегель вновь напомнит о себе. Ибо обслуживать перманентное обновление в состоянии только творческое мышление, способное разрешать противоречия созидательно. За вещной оболочкой капитала скрывается его *субъективная субстанция – труд*. Капитал есть накопленный труд, и сам по себе он не имеет иного субстрата. А труд есть реализация *способностей и умений*. Самовозрастание капитала означает в итоге самовозрастание живого труда, увеличение его количества и *обновление его качества – способностей и умений, потребностей и чувств*. За формулой $D - T - D'$ скрывается схема расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека: «*продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил*». Следовательно, конкуренция капиталов есть в итоге *соревнование субъектов труда по поводу оптимальной реализации своих способностей и умений, а обновление капитала – обновление этих способностей и умений*. Тенденция капитала – *выход за пределы достигнутого – означает выход субъектов за пределы уже реализованных возможностей и потенций к новым возможностям и смыслам*. Так мы выходим на *сугубо антропологический аспект капитала*. Как же осуществляется данный аспект? Он реализуется как самодеятельность, соревнование и самообновление субъектов социального творчества. Значит, вся проблема субъектности заключается в приведении в соответствие экономических форм хозяйствования с креативно-антропологической субстанцией социальности – субъектностью, самодеятельностью, соревнованием и социокультурным самообновлением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975. 339 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Сочинения. В 14 т. М., 1959. Т. 4. 440 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения. В 14 т. М.; Л., 1935. Т. 8. 470 с.

4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1984. 284 с.
5. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968. 319 с.
6. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения. В 6 т. М., 1964. 799 с.
7. Любутин К.Н. Философия в современном мире // Двенадцать лекций по философии. Екатеринбург, 1996. С. 3-13 .
8. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 3-27.
9. Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. М., 1962. 900 с.
10. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // М. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 1-4.
11. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. М., 1968. 553 с.
12. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46. Ч. 2. М., 1969. 612 с.
13. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 42. М., 1974. С. 41-174.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 7-544.
15. Субъект действия, взаимодействия, познания: Психологические, философские, социокультурные аспекты. М.; Воронеж. 2001. 288 с.
16. Панарин А.С. Политология. М., 2000. 320 с.
17. Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 544-571.

RESUME

Sergei Zaharovich Goncharov, Doctor of philosophy, full professor, head of department of philosophy, Russian State Professional Pedagogical University. Ekaterinburg, (343) 327-48-57 gsz2004@mail.ru

Natalya Victorovna Popova, post-graduate student, department of philosophy, Russian State Professional Pedagogical University. Ekaterinburg.

Creativity of the Principle of Subject in Philosophy

The authors consider the principle of subject as a form of social activity, which characterizes the abilities of persons and collective bodies towards self-determination, self-organization, self-government and standard creative work; their authority in implementing socially important needs and aims; their power over natural and social forces.

Subject, self-determination, self-activity, self-organization, self-government, standard creative work, competition, civil society.

Материал поступил в редколлегию 31.01.2008 г.